

О ПОНЯТИИ «КОРПОРАТИВНОГО НАСИЛИЯ» КАК ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОЙ КАТЕГОРИИ

А.В. Ведерников

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, VedernikovAV@bgu.ru

Аннотация. Указывается на бесперспективность попытки ввести в законодательство и юридическую практику понятия домашнего (семейно-бытового) насилия. Вместе с тем ставится вопрос о том, почему нет научной дискуссии и прикладных исследований по выявлению аналогичного явления в частно-публичных, например, корпоративных отношениях. Предлагается провести научно-практическое правовое исследование в этой сфере. Гипотетически предполагаемое явление предлагается поименовать «корпоративным насилием». Сделана попытка дать юридическое определение описанному явлению в той части, в которой деяния не будут подпадать под действия Уголовного кодекса Российской Федерации.

Обозначается тенденция вмешательства императивных методов правового регулирования в традиционно диспозитивную, частноправовую сферу. Эта тенденция критикуется и обозначается ее бесперспективность. Самую такую концепцию следует признать тупиковой. В подтверждение позиции приводятся примеры и логические аргументы. Также указывается на несколько «странностей» в проекте федерального закона о профилактике семейно-бытового насилия. Например, это попытка ученых и практиков объять необъятное и вторгнуться одним актом в принципиально разные сферы правового регулирования. Соединить одним механизмом профилактики деяния, пресекаемые Уголовным кодексом Российской Федерации, и действия, не подпадающие даже под административные санкции.

Ключевые слова: корпоративное насилие, домашнее (семейно-бытовое) насилие, психологическое насилие, экономическое насилие, частные и публичные правоотношения, диспозитивный и императивный метод правового регулирования.

ABOUT THE PHENOMENON OF “CORPORATE VIOLENCE” AS A PRIVATE-PUBLIC CATEGORY

A.V. Vedernikov

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, VedernikovAV@bgu.ru

Abstract. The futility of attempts to introduce the concept of domestic (family) violence into legislation and legal practice is pointed out. At the same time, the question is raised about why there is no scientific discussion and applied research to identify a similar phenomenon in private-public, for example, corporate relations. It is proposed to conduct scientific and practical legal research in this area. The hypothetically assumed phenomenon is proposed to be called “corporate violence.” An attempt has been made to give a legal definition to the described phenomenon in the part in which the acts will not fall within the scope of the Criminal Code of the Russian Federation.

The tendency of intervention of imperative methods of legal regulation in the traditionally dispositive, private law sphere is indicated. This trend is criticized and its futility is indicated. This concept itself should be considered a dead end. Examples and logical arguments are provided to support the position. Several “oddities” are also pointed out in the draft federal law on the prevention of domestic violence. For example, this is an attempt by scientists and practitioners to embrace the immensity and invade fundamentally different areas of legal regulation with one act. Combine with one prevention mechanism acts that are suppressed by the Criminal Code of the Russian Federation and actions that are not even subject to administrative sanctions

Keywords: corporate violence, domestic (family) violence, psychological violence, economic violence, private and public legal relations, dispositive and imperative method of legal regulation.

С древнеримских времен право принято разделять на частное и публичное. Об опасности смешения одного с другим уже говорилось [1].

Естественно, что, находясь в публичных местах («locus publicus»), театрах, магазинах, собраниях, гражданин подчиняется публичным правилам. На частной территории (domus), дома – устанавливает свои, частные правила.

Конечно, частные элементы присутствуют и в публичном пространстве. Например, существует и охраняется частная собственность на движимые вещи, находящиеся в публичных местах. Проникает и публично-правовое регулирование в частную сферу. Примером может служить расследование дел частного обвинения в уголовном праве и процессе.

«Но то обстоятельство, что частноправовые методы используются при регулировании публичных отношений, а публично-правовые – при регламентации частных, нельзя абсолютизировать. Это именно отдельные, хотя и довольно распространенные случаи. И уж тем более неуместно говорить о «публицизации» гражданского (частного) права. В противном случае мы можем окончательно потерять ориентиры» [2, с. 61].

Существует современная тенденция усиления императивного вмешательства в частноправовую сферу. Однако вмешательство это странное и избирательное.

Так, многие ученые обращают внимание на проблему так называемого «домашнего насилия» [3–6].

Казалось бы, понятие и сущность насилия, как противоправного действия, не должна отличаться от места его совершения. Это всего лишь один из элементов объективной стороны состава преступления. Влияние этого элемента на применяемую к нарушителю санкцию не должно быть более весомым, нежели прочих элементов. Например, обстоятельств времени совершения преступления, или вины нарушителя.

Однако, ссылаясь на европейский опыт, ученые предлагают урегулировать вопросы домашнего (семейного) насилия в отдельном законе.

В 2016 г. в Государственной Думе Российской Федерации рассматривался проект № 1183390-6 Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» (далее – законопроект № 1183390-6). В пояснительной записке к этому законопроекту сказано, что «семейно-бытовое насилие – один из самых скрытых видов преступлений, происходящих в частной сфере». Указывается, что «в Российской Федерации 40 % всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье»¹.

Там же приводится неутешительная статистика: «Согласно официальной статистике МВД России, только за первое полугодие 2015 зарегистрировано 25 832 преступления данной категории (в 2014 году – более 135 000 преступлений против здоровья граждан на бытовой почве, в семье было совершено почти 42 000 указанных преступлений; в 2013 году – от преступных посягательств погибли 9100 женщин, 11300 женщин получили тяжкий вред здоровью. По официальной статистике в 2013 году 89 тыс. несовершеннолетних стали жертвами преступных посягательств, из них около 2 тыс. погибли, 3,6 тыс. получили телесные повреждения). На учете в полиции стоит более 200 тыс. семейных дебоширов»².

Казалось бы, все перечисленные примеры – сфера действия Уголовного кодекса Российской Федерации. Именно этим актом охватываются все вышеописанные деяния, считающиеся преступными (п. 1 ст. 1).

Повторимся. Предложение принять такой закон – это не случайность. Есть европейский опыт и научные работы по этой теме. Существует недей-

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» и текст законопроекта. URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 28.09.2023).

² Там же.

ствующая в России Стамбульская конвенция по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье¹ (далее – Конвенция).

Странность, о которой необходимо сказать, связана с тем, что в законопроекте № 1183390-6 семейно-бытовым насилием понимается «умышленное деяние (действие или бездействие) одного лица в отношении другого (других) лиц, совершенное в сфере семейно-бытовых отношений, если это деяние нарушает права и свободы человека, и (или) причиняет ему физическую боль, и (или) наносит вред здоровью, и (или) причиняет нравственные страдания, и (или) причиняет ему имущественный вред» (ч. 2 ст. 3). «Семейно-бытовое насилие может совершаться в форме физического, психологического, сексуального и экономического насилия».

Ссылаясь в пояснительной записке на огромное число тяжких преступлений в семье, законодатель предлагает бороться с психологическим и экономическим насилием. Это, в частности, «унижение чести» путем оскорбления «по отношению к домашним животным»; «запрет или создание препятствий во владении, пользовании общим имуществом» и т.п.

Известно, что пламя «разгорается из искры». Однако методы правового воздействия на члена семьи, обругавшего кошку и отобравшего пульт от телевизора не должны быть равными тем, которые следует применить при кровопролитии и поножовщине. В устоявшейся у нас системе правового регулирования – это разные кодексы.

Еще одна, не меньшая странность здесь в том, что можно назвать «эффектом мотылька». Очевидно же, что *domus*, семейное право и семейная сфера – это правоотношения частной природы. Их естество в диспозитивности. Однако именно эта сфера очень притягивает «императивно настроенных» ученых и практиков. А какой резон? – Желание полностью искоренить частное право? Если частные правоотношения урегулировать императивно, они станут публичными. И как это сделать? – «Положить» по участковому в каждую постель? – Это не уменьшит, а, наоборот, увеличит число жертв «домашнего» насилия [7]. «Сгорит мотылек».

Последнее. Современный человек, не римский гражданин, а средне-статистический гражданин Российской Федерации, проводит основную часть времени в трех местах: дома (частная сфера), в публичных местах (публичная сфера) и на работе.

¹ Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (CETS № 210). Заключена в Стамбуле 11 мая 2011 года (вступила в силу 1 августа 2014 г.). Официально не опубликована.

Никуда не деться от того, что существуют отросли права, которые иначе, чем частно-публичные, не назовешь. Если и выходить с императивным методом из публичного права, то почему «домой» а не «на работу»?

Так, правоотношения внутри корпораций, например, могут содержать в себе нечто подобное тому, что в науке и законопроекте № 1183390-6 отнесено к насилию. Почему переживать за домашнее животное предлагается только от оскорблений «домашнего тирана»? В «рабочее время» это становится не обидно? Странная логика.

Конечно, актуальность выявления такого «корпоративного насилия» далеко не очевидна. Руководитель, начальник, как правило – человек деликатный, хорошо воспитанный и образованный. Но для того, чтобы понять, что «Земли Санникова» нет, нужно это проверить, исследовать. А для того чтоб исследовать, нужно четко обозначить предмет. Этого до сих пор и не сделано.

У не принятого законопроекта № 1183390-6 много сторонников среди ученых правоведов. Дискуссия о необходимости создания в законе понятия домашнего (семейно-бытового) насилия, с целью его профилактики не утихает. Если в нашем обществе так много «домашних дебоширов» в нерабочее время, то, уходя на работу, эти люди преобразуются? Вспоминается сказка: в 24:00 карета превращается в тыкву, принцесса превращается в простолюдинку.

Может, оно и так, но выделить и исследовать те явления, которые в семейной сфере предлагается считать насилием, необходимо и в иных правоотношениях. Исходя из того, что трудовые отношения построены на принципах равенства и работник с работодателем заключают договор, исследовать такие отношения, как предполагается, следует в терминах корпоративного права. То есть в системе начальник / подчиненный, а не работник /работодатель.

Именно поэтому предполагаемое насилие поименовано здесь «корпоративным», а не «трудовым». Хотя субъекты могут быть те же, просто именуются они по-разному в разных отраслях права. Кроме того, предполагаемое насилие гипотетически может быть обнаружено и во внешних корпоративных отношениях.

Под корпоративным насилием, таким образом, можно было бы понимать, к примеру, психологическое и экономическое насилие, совершенное руководителем в отношении работника и (или) зависимого лица. В частности, психологическое насилие: умышленное унижение чести и (или) достоинства путем оскорбления или клеветы, высказывания угроз совершения умышленного деяния (действия или бездействия) нарушающего права и свободы человека, и (или) причиняющего ему физическую боль, и (или) нано-

сящего вред здоровью, и (или) причиняющего нравственные страдания, и (или) имущественный вред пострадавшему, его супругу или его родственникам, собственникам (бывшим родственникам, бывшим собственникам) знакомым, домашним животным, преследование, изъятие документов, удостоверяющих личность, принуждение посредством угроз либо шантажа к совершению преступлений и (или) правонарушений, аморальному поведению или действиям, представляющим опасность для жизни или здоровья пострадавшего и (или) иных лиц, а также ведущим к нарушению психической или психологической целостности; умышленное уничтожение, повреждение или удержание имущества пострадавшего либо его родственников, собственников.

Под экономическим насилием также можно было бы понимать умышленное лишение работника места, возможности принимать пищу в обеденный перерыв, одежды, лекарственных препаратов, медицинских изделий или иных предметов первой необходимости, имущества, денежных средств, на которые он имеет предусмотренное законом право, умышленное уничтожение или повреждение имущества либо иное причинение имущественного вреда; запрет или создание препятствий во владении, пользовании общим имуществом; отказ от предусмотренных законом и (или) договором выплат нетрудоспособному работнику, в том числе бывшему; принуждение к тяжелому и вредному для здоровья труду, в том числе несовершеннолетнего работника, а также иные подобные действия, вызывающие негативные материальные последствия для пострадавшего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведерников А.В. Договор как источник гражданского и коммерческого обязательства / А.В. Ведерников // VI Байкальские юридические чтения : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2023. – С. 24–28.

2. Гонгало Б.М. Предмет гражданского права / Б.М. Гонгало // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России: теория и практика : Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (17–18 апр. 2003 г.). Ч. 1. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2004. – 524 с.

3. Береза З.М. Международные подходы к доказыванию в делах о домашнем насилии / З.М. Береза // Российский юридический журнал. – 2022. – № 3. – С. 75–86.

4. Волосова Н.Ю. Проблема семейного (домашнего) насилия в период борьбы с новой коронавирусной инфекцией: вопросы профилактики / Н.Ю. Волосова, О.В. Журкина, Е.О. Филиппова // Российская юстиция. – 2021. – № 1. – С. 49–51.

5. Ключников А.Ю. Защита жертв домашнего насилия: опыт Латинской Америки для России / А.Ю. Ключников // Российский судья. – 2020. – № 4. – С. 50–53.

6. Яушева А.Д. Меры профилактики семейно-бытового насилия в России / А.Д. Яушева // Административное право и процесс. – 2022. – № 7. – С. 83–84.

7. Мотрович И.Д. Семейно-бытовое насилие: современное состояние и место участкового уполномоченного полиции в противодействии ему / И.Д. Мотрович // Административное право и процесс. – 2021. – № 1. – С. 64–76.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ведерников Алексей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра предпринимательского и финансового права, Байкальский государственный университет г. Иркутск, Российская Федерация, VedernikovAV@bgu.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Vedernikov – PhD in Law, Associate professor, Department of the Enterprise and Financial Law, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, VedernikovAV@bgu.ru.